

Денис ЛИПАТОВ

Родился в 1978 году в Горьком. Окончил инженерно-физико-химический факультет Нижегородского государственного технического университета. Работает инженером в РФЯЦ-ВНИИЭФ.

Автор книги стихов «Другое лето» (2015) и книги прозы «Науки юношей» (2018), сборника стихов «Фигуры речи» (совместно с В. Безденежных и Д. Ларионовым, 2021). Стихи и проза печатались в журналах «Нижний Новгород», «Нева», «Континент», «День и Ночь», «Крещатик», «Волга», «Урал», «Звезда», «Интерпоэзия», «Новая Юность» и других.

Лауреат премии журнала «Нижний Новгород». Живет в Нижнем Новгороде.

УЖАС

1

В один из самых несвежих, прокуренных, промозглых ноябрьских дней, когда всё валится из рук и собственная жизнь кажется похожей на талую жижу под ногами, разнёсся по квартире позабытой трелью дверной звонок, нарушая двухнедельную, уже почти космическую, почти уже реликтовую тишину. Сумароков-Сумраков-Сушков (чудная тройная фамилия – предки так и тычут друг друга локтями, споря, кто же из них больше в отпрыске отразился) как раз разглядывал соблазнительно торчавший на потолке крюк из-под люстры. Не то что бы с какой-то практической целью разглядывал, а так, чисто умозрительно, прикидывая: не учудить ли, не отчебучить ли, и, когда заполошным соловьём донёсся звонок, скорчил такую брезгливую мину, на которую не были бы способны все десять поколений его рафинированных, благородных предков, окажись они случайно в хлеву или хотя бы вот сейчас в его квартире.

– Добрый день, – сказал гость, будто передразнивая академика Капицу из благороднейшей советской телепередачи, давно уже растворившейся в эфире.

– Что вам угодно? – спросил Сумароков, едва не добавив «сударь», и почувствовал себя ископаемым, отчего ему стало до того стыдно, что захотелось тут же к этим самым ископаемым и провалиться. Прадедушки так и захихикали в своих золочёных рамах, но под укоряющим взглядом внука сразу же притихли, выпрямились – Сумароков всегда завидовал этой сановитой осанке, которую не унаследовал, – и словно бы отдалились в потрескавшийся полумрак своих портретов. Все они

были тайные советники, каких-то тайных дел, каких-то тайных канцелярий. Ему же таковой участи не выпало – никто его в своё время не заметил и ни к каким тайнам не пригласил – лицом, что ли не вышел? По молодости он, глупый, даже радовался этому, де, миновала чаша сия, и думал, что если бы его и заметили – он бы отказался. А ведь и в самом деле отказался бы, ещё и дверью хлопнул бы громко-громко, а вот теперь, на бобах оставшись, как-то и задумался и пожалел – может, оно и лучше было бы? А что? Жил бы на всём готовом, на казённый кошт, а уж карьеру-то он бы себе сделал – не сомневайтесь – в два счёта – это гены своё слово сказали бы. Ему чудилось, что даже и вкус у него к этому тайному делу был врождённый – ведь говорили же ему многие, что располагает он к себе с первого почти взгляда и сразу хочется такому взгляду доверить всё самое-самое сокровенное, что разве только первому встречному – ну, например соседу с верхней полки в поезде Москва – Владивосток, и расскажешь, зная, что никогда этого соседа потом уже не встретишь или, собравшись, после разговора, зарезать его в тамбуре и выбросить на полном ходу.

– Ага, ага, – сказал гость, довольно оглядываясь по сторонам и потирая ладошки.

Сумароков слегка удивился и даже возмутился про себя – что за чёрт – он совсем не заметил, как незнакомец просочился в комнату, во всяком случае, не помнил, чтобы он его приглашал.

– Ага, ага, – повторил гость, прищёлкнул от удовольствия языком и, хитро прищурившись, сделал Сумарокову какой-то неуловимый знак ручкой и по-свойски ободряюще подмигнул.

– Ну наконец-то! – спохватился Сумароков, радостно хлопнув себя по лбу и тоже засмеялся. – Я уж вас заждался!

2

Все затряслись, как в лихорадке: Сумароков бросился накидывать на стол какой-то закуски, Сумраков, чуть дыша, извлёк из полумрака буфета початую бутылку коллекционного французского коньяка, доставшуюся в наследство ещё от прадедушки и покрытую вековой паутиной и пылью. Торжественно водрузив её на стол, словно Эйфелеву башню, он не позабыл рассказать семейную легенду о том, что единственную рюмку из этой бутылки сам прадедушка и выпил перед тем, как застрелиться после какого-то фантастического проигрыша в карты – и не кому-нибудь, а самому Феликсу Юсупову! – и что именно Юсупов эту бутылку прадедушке после игры и подарил в качестве небольшого утешения. Сушков кинулся на кухню, обещая сварить невероятно вкусный кофе по старинному рецепту того же застрелившегося прадедушки, и возился там с закопчённой туркой. «Академик» сидел в этой суматохе, посреди порхающих вокруг него, наподобие мотыльков, Сумарокова, Сумракова, Сушкова, и только хлопал глазками от удивления, складывал умилённо ладошки у самой груди и всё приговаривал:

– Невероятно, просто невероятно! Вы подумайте – сам Феликс Юсупов!

– Да, да, да, тот самый! – подтверждали хором хозяева. – А на следующий день после проигрыша было дело с Распутиным.

– Невероятно, просто невероятно! – продолжал причитать «академик», и всё казалось ему, будто и он тоже был там – той бесприютной зимой, глухой декабрьской ночью девятьсот шестнадцатого года – в

подвале особняка Юсуповых на Мойке, и весь стол уставлен закусками и вином, а зуб на зуб не попадает то ли от страха, то ли от холода, хотя и натоплено жарко, и дремотно потрескивают дрова в камине, но вот отчего-то такая маета на сердце, такая тоска и скука смертные, что тянет на волю, в трескучий мороз и ледяные торосы, только бы не здесь, только бы здесь не оставаться, а хозяин ластится, словно кот, и всё мурлычет да убаюкивает:

– Ещё рюмочку, Гриша?

3

Наконец, все уселись за стол. Сумраков разлил коньяку – выпили, крикнули, закусили. Потом, вдогонку, ещё по одной и опять крикнули и закусили, а «академик» – тот даже ещё и чихнул. И ещё раз. И ещё разок... и... и... ещ.. нет, отпустило.

– Уф, аж, прослезился. Забористая штука... – сказал он, вытирая слёзы платочком. А потом вдруг как-то сразу посуровел, давая понять, что теперь пришло время для серьёзного разговора, и к третьей рюмке, уже вновь наполненной и поставленной перед ним, даже и не притронулся.

Сумароков, Сумраков и Сушков поняли, что шутки кончились, и постарались снова собраться в одного человека, хотя это и получилось у них не с первой попытки.

– Ну-с, к делу, – сказал «академик» и зачем-то постучал ложечкой по чашечке с кофе, но потом, покосившись всё-таки на третью рюмку, коньяк в которой задрожал и едва не перелился через край, когда он стучал ложечкой по кофейной чашке, вдруг переменялся в лице и, подмигнув Сумарокову, предложил:

– Ай, ладно, давай ещё по одной, и баста.

Сумароков-Сумраков-Сушков, который успел уже собраться в единого человека, вздохнул, слил все три свои рюмки в один гранёный стакан, подцепил вилкой шпротину с лимончиком и залпом заглотив эти полстакана, будто пил не коллекционный коньяк с «академиком», а какое-то дешёвое пойло с местными гопниками за гаражами.

– Да-а, – уважительно протянул «академик» и аж просиял от восторга, – Деградация, вырождение, распад личности!

– Алкоголизм! Хоть имя дико, но мне ласкает слух оно!.. – выдал Сумароков заплетающимся языком неточную цитату, кажется из Блока, наставительно тыча пальчиком куда-то в потолок, и вновь, даже не успев как следует прожевать шпротину, распался на трёх человек.

– Мы все, от мала до велика, лакали разное вино... – продолжили они уже втроём и хором.

– Bravo, bravo! – захолопал в ладоши «академик».

И, словно разбуженный этими стихами и аплодисментами, где-то наверху, над холодильником, затрещал и заёрзал радиоприёмник, и сердитый женский голос произнёс оттуда с укоризной:

– Московское время, между прочим, уже ого-го!

4

Коллекционный юсуповский коньяк был давно выпит. Бутылка из-под него валялась в углу, и одноухая подъездная кошка с рыжими подпалинами по бокам, проникшая в квартиру, пока Сушков выбегал в магазин за добавкой, теперь всё пыталась приладиться к её горлышку,

чтобы тоже нализаться. Бутылка всё не давалась, выскользывала из мягких лап, вращалась, каталась с глухим стуком по паркету, и кошка недовольно мяукала, шипела и злилась, но, наконец, кое-как всё-таки ухватив её, зажав передними лапами и развалившись в углу, прильнула к горлышку и блаженно заурчала.

Вернулся из магазина Сушков. На этот раз денег хватило только на пару бутылок водки, несколько плавленых сырков, полбуханки ржаного, пачку самых дешёвых сигарет, ну ещё прихватил пива, тоже пару. За то время, что они пили прадедушкин коньяк, на улице уже началась настоящая зима: талую жижу на тротуарах сковало в грязные и неприступные Кордильеры, снег повалил хлопьями, ветер громче обычного загудел в водосточных трубах, и казалось, что они всё не могут проквашляться или продышаться этим стылým и сырým воздухом.

Словом, Сушков вернулся весь запорошенный и какой-то заиндевший и теперь отряхивался в прихожей, звеня бутылками в холщовой сумке, которую он почему-то не выпускал из рук. Не сразу поэтому заметили, что вернулся он не один, а с некой дамой.

Дама эта посмотрела на всех строго, хотя сама выглядела, прямо скажем, неважно: широкополая шляпа на ней совсем обвисла от растаявшего снега, и местами был виден даже проволочный каркас, леопардовая шубка, когда-то, наверно, дорогая и роскошная вещь, теперь, словно лишаями, тут и там покрылась залысынами, чёрная узкая юбка была забрызгана грязью от щиколоток до колен, а ботиночки совсем стоптаны.

– Вот, приبلудилась, – сказал Сушков, будто извиняясь.

Впрочем, извинения были излишни: все присутствующие, кроме «академика», встретили даму как старую знакомую, хотя и по-разному. Если Сумароков, например, обрадовался и даже встал из-за стола ей навстречу, то Сумраков только брезгливо поморщился и отвернулся, одноухая кошка, отвлекшись на мгновение от бутылки, взглянула презрительно, Юсупов, едва улыбнувшись, одними только уголками губ, не переставая тасовать колоду карт, слегка кивнул ей и тоже как бы пригласил взглядом за стол, ну а прадедушки в золоченых рамах портретов посмотрели на даму с интересом, но вполне доброжелательно и даже с некоторым заискиванием.

– Ладно, проходи, чего уж там, – буркнул Сушков. – У нас тут сегодня вечеринка в духе Серебряного века, – и, по-свойски хлопнув её по заднице, пропустил или даже подтолкнул в комнату.

5

Здесь, на свету, она слегка заробела, поскольку стали видны плохо заретушированный синяк под левым глазом и разодранная мочка уха – видимо, кто-то не так давно, во время безобразной и шумной ссоры, вырвал из неё прямо с мясом сергу.

Сумароков налил ей полстакана водки, дождался, пока она выпьет, и только после этого представил её «академику».

Тот привстал и попытался поцеловать её ручку, отчего она аж присвистнула и икнула от удивления, настолько отвыкла от галантного обращения, а Сумароков, Сумраков и Сушков грохнули такими раскатами серебряного ржания, что даже воображаемая люстра, от которой теперь торчал из потолка один только крюк, задрожала и зазвенела своими хрустальными свечками. Юсупов сдержанно улыбнулся в платок, одно-

ухая кошка сделала вид, будто её стошнило, прадедушки на портретах тоже слегка смутились, но ничего не сказали.

Дама изобразила на лице презрение и, не дожидаясь приглашения, уже сама налила себе вторые полстакана, выпила, поморщилась и, демонстративно отвернувшись ото всех остальных, обратилась напрямую к «академику», словно к старому знакомому или единственно разумному здесь человеку:

– Вот вы человек новый в нашей компании, хотя, кажется, и старинный Сашин друг, поэтому должны иметь свежий взгляд. Скажите, вы заметили, что временами это три совершенно разных человека?

«Академик», видимо, немного растерялся от такого вопроса и, как-то робко улыбнувшись, ответил:

– Чужая душа – Потёмкин, как говаривал государь Павел Петрович.

– Ой, да при чём здесь Павел Петрович, – взвизгнула дама и капризно надула губки, досадуя на непонятливость «академика». – Я же говорю: это три разных человека, значит, и заплатить теперь придётся втрое больше! Скажите, деньги у вас при себе?

– Деньги? – удивился «академик».

При этих словах в комнате сделалась почти гробовая тишина: все усталились на «академика», затаив дыхание. Даже одноухая кошка с бутылкой замолкла в своём углу, даже воображаемая люстра затихла и не звенела больше хрустальными свечками. Юсупов и тот перестал на время тасовать свою колоду, и всем стало видно, что это вовсе никакая не колода, а просто стопка банковских пластиковых карточек.

– Ну да, деньги, – повторила дама. – Вы же по объявлению? Картины смотреть или саму жилплощадь? Вы же чёрный риелтор, подпольный маклер, тайный агент европейских аукционных домов или частных спецслужб, наркоторговец, в конце концов? Словом – страшный человек. Но, учтите, мы цены знаем.

Здесь прадедушки на портретах приняли самые надменные и независимые позы, а Сумароков, Сумраков и Сушков, переглянувшись, утвердительно закивали головами – да, дескать, знаем.

– Нет, боюсь вас огорчить, Ирина Петровна, – произнёс «академик» после некоторого молчания со зловещей, как показалось одноухой кошке, ухмылочкой. – Я здесь совсем по другому делу. – И, убедившись, что смысл сказанного вполне дошёл до всех присутствующих, выдержав паузу, продолжил...

6

Надо сказать, что этим своим «другим делом» лжеакадемик настолько заинтриговал всё общество, что дама, например, даже не удивилась, когда он назвал её по имени-отчеству, и даже не задалась вопросом, а откуда он их, собственно говоря, знает? Более того, когда она всё-таки спохватилась и действительно задалась этим вопросом, а не найдя на него ответа, не на шутку испугалась, она напрочь позабыла, что на самом-то деле она никакая не Ирина Петровна и никогда ею не была, а всю жизнь, сколько себя помнила, звалась Елизаветой Ивановной. Паспорта у неё, правда, уже лет пять как не было – то ли потеряла где-то, то ли оставила кому-то в залог и не забрала – и, соответственно, то, что она именно Елизавета Ивановна, дама ничем доказать не могла, и даже иногда чуть-чуть сомневалась в этом, но уж то, что она не Ирина Петровна – это уж, извини-подвинься, это она знала наверняка, но вот сейчас всё равно забыла!

Отвлечшись на эти размышления о том, кто же она на самом деле – Елизавета Ивановна или Ирина Петровна, а может быть наоборот – Ирина Ивановна и Елизавета Петровна, – дама, хотя и была заинтригована лжеакадемиком, слушала как-то невнимательно и всё самое интересное пропустила мимо ушей, сумев понять только то, что пришёл он вовсе не предлагать денег, например, за картины, а совсем напротив – потребовать эти деньги обратно, в счёт уплаты каких-то застарелых долгов, да ещё и с процентами.

Что это были за долги, когда и каким образом они образовались и даже размер самой суммы долга, которую озвучил «академик», все почему-то прослушали и теперь, как ни пытались, не могли припомнить, а переспросить самого «академика» – робели.

Вообще, едва речь зашла о возврате денег, все как-то забеспокоились и заёрзали. У всех нашлись какие-то неотложные дела и заботы. Сумароков, Сумраков и Сушков, например, просто не знали, что им теперь делать, и за то время, пока «академик» говорил, успели раза три то снова собраться в одного человека, то опять рассыпаться на троих, не понимая, что же им сейчас выгоднее, и в итоге застряли в каком-то глупом промежуточном состоянии – ни два ни полтора. Князь Юсупов, тот вообще повёл себя как подлец: сказался алкогольной галлюцинацией и растворился в облаках табачного дыма, оставив на столе лишь россыпь банковских карточек, которые, впрочем, все до единой были давно просрочены, обнулены и заблокированы. Одноухая кошка потеряла всякий интерес к происходящему и теперь дрыхла, свернувшись клубком, на продавленном диване. Прадедушки и те, едва услышав о долгах, попрятались в дальние комнаты на своих портретах или смотрели куда-то в сторону, делая вид, что до них это дело не имеет ни малейшего касательства. Ни-ни-ни.

– Вот такие пироги, любезная Елизавета Ивановна, – грустно подытожил «академик» уже в прихожей, одеваясь.

– Две недельки, две недельки ещё только можем подождать, а уж там не обессудьте, – ещё раз напомнил он, обернувшись в дверях на прощание, и исчез так же внезапно, как и появился несколько часов назад.

Дрожа и щурясь, Сумароков устаканился, наконец, в одного человека и теперь смотрел в окно, пытаясь выследить, куда направится «академик», когда выйдет из подъезда. Но на улице была такая непролазная темень, что, сколько Сумароков ни глядел, а ничего не увидел. Тогда он обернулся к даме и сказал ей:

– Знаешь, Лиза, никакой это не чёрный маклер, и не тайный агент супердержав, и даже не наркоторговец – это сам чёрт к нам сейчас приходил. И, кстати, скажи-ка на милость, дорогая моя, где ты шлялась эти две недели?

7

– Какой ужас! – воскликнула Елизавета Ивановна. – К нам приходил сам чёрт знает кто, нам грозят разорением и неоплатными долгами, а ты пытаешься устроить мне сцену ревности? Нет, вы только посмотрите на него! Ужас! Ужас! Ужас!

Одноухая кошка приоткрыла один глаз и презрительно фыркнула.

– Ты лучше скажи, что ты вообще собираешься делать и что всё это значит?

Сумароков подошёл к ней вплотную и заслонил от портрета, висевшего на противоположной стене и на котором был изображён как раз тот самый прадедушка, так неосторожно проигравшийся в карты Юсупову.

Значительно посмотрев ей прямо в глаза, Сумароков сказал сквозь зубы:

– Я думаю, это всё из-за него. Не смотри так откровенно – догадается.

Елизавета Ивановна осторожно выглянула из-за плеча Сумарокова, но ничегошеньки не увидела: ночь была совершенно безлунной, а воображаемая люстра могла иногда только звенеть, но не светить, и в комнате было абсолютно темно.

– Из-за кого? – спросила она шёпотом.

– Из-за него, – повторил Сумароков и сделал движение глазами, намекая на портрет за своей спиной.

– Да ну?..

– Ага, ага... – подтвердил Сумароков и, наклонившись к Елизавете Ивановне, зашептал ей в самое ухо, то самое, с разодранной мочкой.

8

– Какой ужас! – вновь повторила Елизавета Ивановна, но уже шёпотом, когда Сумароков закончил свой рассказ и отлип от неё. – Как такое вообще могло произойти?

Всё это и правда с трудом укладывалось в голове. Если верить предположениям Сумарокова, то выходило, что прадедушка обманул тогда Юсупова, инсценировав самоубийство, чтобы не отдавать карточного долга. А уж когда Юсупова с Пуришкевичем и великим князем Дмитрием Павловичем замели на следующий день за убийство Распутина, то и вообще затаился, а там и революция подоспела, и Гражданская война, и такая неразбериха началась, что не до карточных долгов. Или, может быть, он даже и участвовал в деле с Распутиным, но Юсупов не выдал его тогда на следствии, чтобы тот, оставаясь на свободе, имел возможность собрать деньги. А он опять же, решил схитрить и распустил слух, что застрелился, а тут снова – революция, сначала одна, потом вторая, потом Гражданская война, потом все, кто мог, сбежали в Крым к Врангелю, а оттуда в Константинополь. Но, видимо, долг был настолько велик, что ни Юсупов, ни его наследники не забыли о нём и вот теперь, наконец, нашли их. Даром, что законных детей у Феликса, кажется, не было, но кто-то же наследовал ему. Или он сам до сих пор не может успокоиться – неспроста же он тут сидел сейчас, когда они с «академиком» распивали его коньяк – сам этого чёрта подослал и сам явился проследить, как он его поручение выполняет.

– И что же нам теперь делать? – спросила Елизавета Ивановна с горящими от восторга глазами. Она вдруг поймала себя на том, что ей почему-то совершенно не страшно, а, наоборот, жутко интересно.

– Что делать, что делать... в том-то и дело, что делать нечего, – ответил Сумароков. – Денег таких мы никогда не соберём, а спрятаться от этого дьявола негде. Хотя, попробовать можно... Есть на такой случай один способ, может, и работает.

Здесь он зажёл от спички несколько свечек в канделябре, которые теперь, после того как люстра была утрачена, всегда были у него наготове, и подвёл Елизавету Ивановну ещё к одному портрету какого-то своего предка, который висел не в парадной зале, а в прихожей.

На портрете был изображён старец в парике с буклями, в тёмно-зелёном камзоле с алмазной звездой на груди и красной орденской лентой через левое плечо. Выражение лица у него было надменное и слегка брезгливое, как будто в рот к нему залетела муха, а он, чтоб не подняли на смех, боится при всех признаться и выплюнуть её.

– Кто это? – спросила Елизавета Ивановна шёпотом.

Сумароков поставил канделябр со свечками на секретер под портретом, отступил на полшага назад и, словно представляя Елизавете Ивановне живого человека, сказал:

– Трудолюбивая пчела! Мой полный тёзка и родной брат моего прапра-пра- сколько-то там «пра» дедушки. Александр Петрович Сумароков: стихотворец, одописец, драмодел!

– Одо... кто?

– Писец.

– А-а... понятно, понятно, – прошептала Елизавета Ивановна, соображая, не сошли ли они здесь все с ума, и кося глазками то на портрет, то на своего собеседника.

– А теперь, Лиза, слушай и запоминай, – сказал Сумароков-Сумраков-Сушков значительно, взяв её за плечи и посмотрев ей снова прямо в глаза. – Слушай и запоминай.

Александр Петрович же, пока они отвлеклись и не смотрели на него, незаметно выплюнул муху.

9

Елизавета Ивановна и в самом деле была как не в себе. Особенно сильные впечатления произвели на неё слова «одописец» и «драмодел». У неё в голове они почему-то преобразились в «нам писец» и «дела наши дерьмо».

Сумароков-Сумраков-Сушков потряс её за плечи, дождался, пока взгляд её хоть немного прояснится и остановится на нём, и продолжил:

– Слушай и запоминай. У нас есть старинное семейное предание, что раз в жизни любой потомок Александра Петровича может попросить у него убежища. Понимаешь? Можно схорониться у него там... в портрете.

Елизавета Ивановна посмотрела на Сумарокова, как на сумасшедшего.

– Как это?

– Ну, войти в портрет и остаться у него там, в восемнадцатом столетии. Есть подозрение, что тот прадедушка тогда так и сделал, поэтому его и не нашли: ни Юсупов, ни царская охранка, ни большевики потом.

– Водка, наверное, палёная была, – догадалась Елизавета Ивановна. – Ты где её брал, придурок?

– У барыги одного знакомого... Да не сбивай ты меня, это сейчас неважно! А важно другое: надо знать, как правильно попросить, понимаешь? Заклинание, что ли, заветные слова.

– А ты их знаешь? – спросила Елизавета Ивановна насмешливо, сообразив, что спорить с сумасшедшим бесполезно.

– Знаю, – сказал Сумароков торжественным шёпотом.

Здесь он ушёл на кухню и вернулся с двумя табуретками, которые приставил к секретеру под портретом так, что получилась как бы лешенка. После этого, взглянув на портрет, словно ища у Александра Петровича одобрения, снова обернулся к Елизавете Ивановне и зашептал ей на ухо:

– Смотри, Лиза, надо встать перед ним, как перед иконой, и повторить три раза – только, ради бога, не засмейся, когда будешь говорить, иначе ничего не получится – три раза те самые заветные слова.

– Какие?

– Запоминай: Александр Петрович, ты первый стихотворец в России, а Ломоносов – только второй, а Ивашка Барков – третий, а Васька Третьяковский – вообще не стихотворец, а пачкун. Запомнила?

– А Пушкин? – спросила Елизавета Ивановна недоверчиво.

– Пушкина он не знает, он до него не дожил. Для него и Державин-то – муха. Ну, запомнила? Давай попробуем. Три раза. Три раза, Лиза.

Тут они развернулись к портрету лицом, взяли из канделябра по одной свечке и, схватившись за руки, стали произносить, словно молитву:

– Александр Петрович, ты первый стихотворец на Руси, а Ломоносов – только второй, а Ивашка Барков – третий, а Васька Третьяковский – тот вообще не стихотворец, а пачкун. Александр Петрович, ты первый поэт на Руси, а Ломоносов – только второй, а Ивашка Барков...

Здесь Елизавета Ивановна чуть не вскрикнула от ужаса и едва не потеряла сознание.

Дело в том, что на этих самых словах, когда они с Сумароковым не успели повторить заклинание даже ещё и второго раза, пламя свечей, и в канделябре, и у них в руках, вдруг задрожало и запрыгало, будто от чьего-то неровного и нетерпеливого дыхания, и в пляшущем его отсвете она и вправду увидела, что старец на портрете как будто приветливо улыбнулся, слегка наклонил голову и, словно приглашая их, сделал несколько шагов назад, так, что стал виден в полный рост, хотя на портрете он был изображён только по грудь.

Сумароков-Сумраков-Сушков посмотрел на Елизавету Ивановну торжествующе, и взгляд его означал: «Ну, а я что говорил!»

Елизавета Ивановна почувствовала, что у неё дрожат коленки. Сумароков, как и давеча, ободряюще хлопнул её по заднице, как и положено джентльмену пропуская даму вперёд, но Елизавета Ивановна стояла ни жива ни мертва. Тогда он, взяв свою свечку в зубы, подхватил её на руки и осторожно ступил сначала на табуретку, потом на секретер...

Тут в парадном зале ото всей этой возни проснулась на диване одноухая кошка. Выбежав в прихожую, она увидела Сумарокова на руках с Елизаветой Ивановной уже перешагивающим через золочёную портретную раму. Портрет был не очень большой, не в полный рост, и Сумарокову пришлось немного пригнуться, чтоб не задеть верхний край рамы головой, да ещё, изловчившись, проходить как-то боком, и, таким образом Елизавета Ивановна, например, была уже наполовину там.

Каким-то звериным своим чутьём одноухая кошка поняла, что вернутся они нескоро и она застрянет здесь одна, в этой чёртовой квартире, недели на две, если не больше, а жрать тут совсем нечего.

Недолго думая, она в два прыжка оказалась на табуретке, потом на секретере, а потом перемахнула и через портретную раму, когда одна нога Сумарокова была ещё здесь, в квартире. Но поскольку хмель от юсуповского коньяка ещё не вполне из неё вышел, то, запрыгнув на секретер, она неосторожно задела канделябр, и тот, с грохотом повалившись на пол, рассыпал все свечи, которые ещё оставались на нём.

Горящие свечки покатались в разные стороны, а одна катилась особенно долго и закатилась, в конце концов, под тяжёлую бархатную штору, которой, за неимением двери, Сумароков завесил когда-то вход из прихожей в парадный зал.

– Да-а, – говорил на следующее утро председатель жилищного товарищества Пожарский, осматривая вместе с лжеакадемиком пепелище. – Это ж в какую сумму теперь выльется ремонт?.. Хорошо ещё, соседи вовремя пожарных вызвали, а то бы весь дом сгорел.

– Ужас, просто ужас, – хватался за щеку бывший «академик», оглядываясь по сторонам на обгоревшие стены. – Кто за всё это теперь заплатит?! А ведь у них ещё коммуналка лет на пять просрочена – ведь ни за что не платили: ни за свет, ни за отопление, ни за воду, ни за газ!

– Какого же чёрта мы их не выселяли? Выселять надо было! По суду.

– Вот только вчера к ним заходил, платёжками перед носом тряс – за пять лет, говорю, квартплата и коммуналка где? Пять лет уже ваши долги по всем жильцам раскидываем! Не стыдно? А на коньяки да водку деньги есть! Две недели дал им сроку, две недели. А там – в суд! Ну продайте, говорю, что-нибудь, раз уж работать не хотите – вон картины какие у вас висят, как в музее, как в самом Эрмитаже! Как ещё не ограбили до сих пор! А они вон что удумали! Вот гадёныш, а! И баба его ещё такая: «Деньги, – спрашивает, – при вас?» Тьфу! Сука!

– Вот я тебе всегда говорил, Гнилорыбов: всё, что хочешь, алкашам отключай, а электричество не смей – вот он, канделябр-то, валяется, видишь? Они свечи начинают жечь – открытый огонь в доме, а у нас теремок-то 1905 года постройки, даром, что памятник архитектуры – все перекрытия деревянные – вспыхнет, как пакля!

– Так, а кроме электричества что отключишь? Ну, газ ещё можно отвести. Его и отвели. Всё остальное – общим стояком! Отключишь у них – весь подъезд без воды и тепла.

– Ладно. Теперь что... Сами-то – тоже, что ли, сгорели?

– Как бы не так! Пожарные, говорят, что тел не нашли, а совсем, без остатка, сгореть не могли – температура всё же не та. Кошка у них ещё тут была. Поганая такая, с одним ухом. Так и её не нашли. Ишь, сердобольные какие, подожгли, сбежали и кошку не забыли.

– А, ну, значит, встретимся ещё. Одного не могу понять: как мы их столько лет терпели-то? Давно бы надо выселить по суду и сдать квартиру в аренду. Площадь-то какая, комнат-то сколько, да в центре города! А? На Моховой! Вон тебе Фонтанка, вон Невский, вон Зимний! Золотая жила! Тут ведь площадь – на три, а то и четыре офиса можно было разгородить! А то и пять! Как мы терпели-то, где наши глаза были? Да если б он даже всё до копейки и в срок платил, давно бы надо было его подвинуть!

– Сын профессора, – развёл руками лже-Капица, которого Пожарский называл Гнилорыбовым. – Внук двух академиков, правнук писателя и даже одного министра и двух генералов. Бабушка – оперная дива. Екатерининские вельможи в роду были. Фельдъегеря да флигель-адъютанты. Тайные советники, действительные статские и даже камергеры с ключом! Один, говорят, вообще – вице-канцлер!

– Богема, твою мать! – подытожил Пожарский.

– Контра недобитая, – неуверенно подсказал Гнилорыбов.

– Точно... она, – согласился Пожарский и, вздохнув, направился к выходу.

– Ну где мы раньше-то были! Как я сам проглядел! – всё сокрушался он, спускаясь уже по лестнице.

Гнилорыбов же, следуя за ним, заметил, что один портрет в прихожей как будто чудом уцелел: только рама слегка обгорела и лицо на нём чуть закоптилось. Недолго думая, «академик», взобравшись на обгоревшие табуретки, которые почему-то тут стояли, разломал раму, вынул из неё портрет, свернул его в рулон и, сунув за пазуху, последовал за шефом.

11

Утро в московском доме Александра Петровича Сумарокова началось с чтения оды, писанной ночью к очередной годовщине восшествия на престол государыни Екатерины Алексеевны. Было велено явиться всем домашним и дворне. Ода была откровенно скучна, занудна, тяжеловесна и непомерна длинна. Вся она была пересыпана то тут, то там Россией, Русью, снова Россией, возвышающей главу, Аврорами, Нептунами, Палладами и опять: Русь, Русь, Русь, Россия, Русь. Домашние откровенно зевали, дворня, глядя на хозяев – тоже, где-то поскуливала недавно оценившаяся сука.

Но Александр Петрович ничего не замечал, читал торжественно, размахивая руками, закатывая глаза, иногда взвизгивая старческим фальцетом, весь дребезжа, словно чайный сервиз в серванте от слишком быстро проехавшей за окном пустой телеги. Весь он и правда был похож на ожившую фарфоровую статуэтку какого-то взбалмошного папья или сатира.

Из всех слушателей, собранных барином на эту премьеру, только одна дворовая девка – дурочка Маруся Виноградова, прозванная так за то, что когда-то объелась до поноса господского винограда, и отданного-то в людскую за то, что был незрел да зелен, и которого даже из дворовых, кроме неё, никто не стал есть, – только она и слушала Александра Петровича, не сводя с него испуганных глаз, всхлипывая каждый раз, когда доходил он до Руси или России, а под занавес уже просто рыдая в голосину, причитая то и дело: «Батюшка, Александр Петрович, батюшка... Да что же это...»

Если бы не эта Маруся, остальные слушатели, наверное, давно бы передохли от тоски, словно мухи. А так – всё какое-то развлечение. Другие девки сначала осторожно подхихикивали, показывая на неё пальцем, а потом уж прыскали со смеху, благо барин никого, кроме себя, не слышал, а господа смотрели сквозь пальцы и часто тоже не могли сдержать улыбки.

Случай этот также не был забыт, как и происшествие с виноградом, и ещё в течение многих дней после дворовые дразнили Марусю. Часто, то тут, то там, среди разнообразных служб и забот – то в людской, то на улице – можно было слышать, как они окликают её:

– Марусь, ты любишь Русь?

Бедная дурочка только пожимала плечами, не понимая, чего все смеются, и тоже улыбалась.

– Хамово отродье! – ругался на них Александр Петрович, когда снова слышал эту глупую дразнилку, и, если Маруся была недалеко, подзывал её, одаривал леденцом, благословлял и печально брёл в свой кабинет.

Тяжёлые раздумья терзали его душу, злая судьбина ополчилась на него: ода не была принята. Государыня не ответила, не пригласила ко двору, ничем не наградила, не прислала в подарок даже завалящего перстенька. Ни-че-го.

Но на самом деле в то утро, когда Александр Петрович представлял свою злосчастную оду, не одна только Маруся Виноградова благодарно внимала ему. Были ещё двое: кавалер и дама. Стояли они поодаль, одеты были немного странно, даже бедно, у дамы на руках была одноухая кошка. Раньше никто их в доме не видел и никто не знал, ни кто они, ни как к ним относиться, и поэтому на них не обращали внимания. Но слушали они благоговейно.

Потом уж выяснили, что дальние родственники барина, мелкопоместные дворяне, муж и жена, прибыли той же ночью из Нижегородской губернии, тоже Сумароковы, муж тоже Александр Петрович, а жена – Елизавета Ивановна. Едва прибыв, с порога объявили хозяину, что он первый стихотворец во всей России, а они давно мечтают услышать его. И то чтение оды утром хотя и было обычным представлением в доме Александра Петровича, но именно в то утро было устроено специально для них.

За два месяца гости вполне обжились и освоились. Муж Елизаветы Ивановны хотя и говорил, что ищет место, но искал его как-то не слишком усердно, и время они проводили довольно приятно, пропадая то в театрах, то на каких-то прогулках, то на куртагах, то на ярмарках, то ещё где-то. И даже их странная одноухая кошка, которую они притащили с собой и которой самое место было на мыловарне, за эти два месяца округлилась, залоснилась, отъелась, и, кажется, что и ухо у неё стало как будто заново отрастать.

Александр Петрович смотрел на всё это сквозь пальцы, денег своему тёзке и родственнику давал взаймы без счёта и даже не думал спрашивать их обратно, но почему-то особенно он подружился и полюбил беседовать с Елизаветой Ивановной.

Ея супруг, к счастью, оказался деликатным человеком и старался никогда не мешать их беседам, и не донимал Елизавету Ивановну расспросами. Но однажды, совершенно случайно, услышав их разговор, который к тому времени, судя по всему, продолжался уже не менее часа, или был продолжением другого разговора, начатого ранее, может, и несколько дней назад, позеленел от ужаса и едва не грохнулся в обморок.

Дело происходило в саду, в летней беседке, в послеобеденный час. Александр Петрович сидел на небольшом возвышении, опершись руками и подбородком на трость, и смотрел куда-то вдаль. Он был мрачен. Елизавета Ивановна сидела подле, чуть пониже, на мягкой бархатной банкетке, принесённой из дома. Была она в лёгком ситцевом платье и стала теперь совсем похожа на премиленькую московскую барышню. Одноухая кошка, с почти уже отросшим ухом, спала у неё на коленях.

Муж Елизаветы Ивановны как раз выбрался в сад посмолить трубочку после обеда и, бродя в самом весёлом и рассеянном расположении духа, набрёл случайно и на них. Заметив, однако, что его не видят, он тоже, чтобы не мешать, решил не обнаруживать себя и уже собрался уходить, когда услышал вопрос Александра Петровича, обращённый к Елизавете Ивановне, и вопрос этот почему-то его встревожил. Вернее, встревожил даже не сам вопрос – он его не расслышал, – а та интонация, с которой он был задан. В голосе Александра Петровича слышалось что-то трагическое.

Подкравшись поближе, муж Елизаветы Ивановны, прислушался.

После некоторого молчания Александр Петрович повторил:

– Не щади меня, говори как есть!

– Александр Петрович, ну я вам уже сто раз говорила, – отвечала Елизавета Ивановна, не поднимая на него глаз и нервно теребя одну-ухую кошку. – Про Ломоносова нам в школе и по химии, и по физике, и по астрономии, и по истории рассказывали. И уж, конечно, по литературе тоже. По литературе, кстати, больше всего, даже учить наизусть заставляли, правда, я ничего уже не помню. А про вас у нас в программе не было, вас мы не проходили. Ну разве только тоже по литературе, краткое упоминание, в параграфе про того же Ломоносова. Ну, вот да, был такой, ссорился с Ломоносовым.

Александр Петрович тяжело вздохнул.

– Да не расстраивайтесь вы так, – попыталась утешить его Елизавета Ивановна, – Тредиаковского ведь тоже не проходили, про него тоже только краткое упоминание в параграфе про Ломоносова. А уж про этого, как его там, про Баркова, я вообще только от Саши узнала, а до этого и не слышала никогда.

– Эх, – вздохнул опять Сумароков. – И государыня теперь не жалуется. Не приняла оды. Может, Павлу Петровичу, цесаревичу, в следующем году поднести оду? На тезоименитство?

– Ой, да при чём здесь Павел Петрович! – взвизгнула Елизавета Ивановна и осеклась, вспомнив, что когда-то, не очень даже и давно, уже произносила эту фразу. – Что вы заладили все, как ненормальные: Павел Петрович, Павел Петрович! Дело вовсе не в Павле Петровиче, а в поэтике классицизма, которую вы по определению, в силу онтологических причин, не можете преодолеть. Да и потом, помяните моё слово – только зря разозлите государыню.

– Ужас, ужас, ужас... – прошептал Сумароков, склонив голову на руки. – Краткое упоминание... в параграфе про... Ломоносова... Ужас.

В это время в зарослях сирени у него за спиной Елизавета Ивановна заметила своего супруга с перекошенным от ужаса лицом. Он беззвучно ругался, рвал на себе волосы, показывал то на Сумарокова, то на неё, опять хватался за голову и рвал волосы, опять кривил рот и изображал какие-то ругательства. Прищурившись, Елизавета Ивановна смогла вполне отчётливо прочесть у него по губам: «Что ты наделала, дура!»

Елизавета Ивановна только хмыкнула, подёрнула плечиками и, презрительно сощурился глазки, показала ему язык.